

В. Г. ФЕДОТОВА

Меняющийся мир и глобализация

Термин «глобализация» появился совсем недавно для характеристики нового процесса социальной трансформации, который будет описан ниже. Появление глобализации в реальности есть завершение того процесса образования всемирных связей, свободной торговли и становления всемирной истории, которые составили суть пятисотлетней истории Запада и мира в целом, устремленных к прогрессу, осуществляющих модернизацию. Се-

годня эти процессы вытеснены на периферию, на уровень локального развития, где выбор модерниза-

ционных моделей становится более многообразным и направленным не только на решение внутренних задач, но и на нахождение своего места в глобальном мире и в глобальной экономике. В свете новых тенденций недостатки классической модернизационной теории кажутся все более очевидными, ее применение все более утопическим.

I. РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ И ВНУТРЕННЕМ МИРЕ

Название данной главы отражает ее проблему: с одной стороны, реакцию России на процесс глобализации, с другой — анализ ряда внутренних задач, которые стоят перед обществом. Мы попытаемся ответить на вопрос, как связаны эти задачи, насколько они расходятся, выразить свое отношение к прошлому, настоящему и будущему России.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Термин «глобализация» во многом вытеснил описанные выше теории. Как показал В. А. Иноземцев, он уменьшил частоту употребления терминов «устойчивое развитие» и «постмодернизм». Количество книг, в заглавии которых используется слово «глобализация», стало лавинообразно увеличиваться в Библиотеке Конгресса с начала 1990-х годов¹. Связано ли появление и этой концепции с российским контекстом, мы ответим позже.

Термин «глобализация» возник для характеристики транснационального функционирования экономики и информации, которые, резко нарастая в последнее десятилетие, сделали прозрачными для финансово-информационных систем национально-государственные границы и обеспечили преимущество тем, кто вступил в технологически-информационную революцию. Так, по определению одного из специалистов, «глобализация — процесс лавинообразного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий»². Другая характеристика этого процесса: «Глобализация — это слияние национальных экономик в единую общемировую систему. Она основывается на возникшей в последнее десятилетие XX века легкости перемещения капитала, на новой информационной открытости мира, технологической революции, приверженности

¹ Иноземцев В. А. Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль. 2000. №1. С. 28.

² Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под. ред. М. Г. Делягина. М., 2000. (Обложка.)

развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала»¹. Глобализация, таким образом, это не то, желательность или нежелательность чего сегодня подлежит обсуждению. Она есть. Ее перспективы и угрозы, безусловно, важно исследовать. Но прежде всего необходимо сказать о ее сущности: глобализация означает победу капитала и информационной свободы над национальными интересами, в особенности незападных стран, создание транснациональных систем. Вестфальская система национальных государств, составлявшая основу мирового порядка в течение 350 лет, дала трещину. Филадельфийская система как более позднее «уточнение» Вестфальской системы после филадельфийского конгресса в США, на котором были приняты основополагающие документы Америки, делавшие демократию не только американским, но и мировым институтом, также претерпевает изменения.

Проиллюстрируем ключевые факторы глобализации — *информационный, экономический и технологический*. Их можно назвать также *информационно-экономическим и информационно-технологическим*.

Прежде всего, с изобретением компьютера и Интернета и введением их в экономику все операции невероятно ускорились и изменились качественно, а не только количественно. Возникла открытость технической информации. В Интернете можно найти технические и технологические инновации, ноу-хау. В перспективе патентные службы могут оказаться лишними, и технический шанс появляется у всех, кто способен им воспользоваться.

Кроме информационных аспектов, конечно, важнейшей характеристикой глобализации, того, что называют глобализацией — давайте так скажем, — являются чрезвычайно низкие таможенные барьеры. (Примерно 60% до Второй мировой войны и 5–6% сейчас.) Столь низкие тарифы облегчили перемещение товаров и капиталов. Но кроме этого произошла как бы потеря деньгами своего «патриотизма». Если всего несколько лет

назад британской компании для того, чтобы начать разрабатывать нефть в Иране, надо было спрашивать разрешения своего правительства, то сегодня ей этого не надо. В начале 1990-х годов турецкие бизнесмены нуждались в разрешении своего правительства на получение большого заказа из-за рубежа (например, произвести 3000 микропекарен по заказу российских бизнесменов для производства белого хлеба) или крупного бизнеса в другой стране. Теперь турки вытеснили нашу текстильную промышленность без всякого участия как своего, так и российского правительств по причине более успешной конкурентоспособности с нашей разоренной текстильной отраслью. Никто уже не сомневается в том, что если сталь в Череповце будет плавиться плохо, туда придут турецкие или китайские заводы. Транснациональный рынок существует, и его можно закрыть для какой-либо страны только авторитарным путем. Мы открылись, обнажились, показали свои слабости, но в то же время мы получили и шанс: нас открывал М. С. Горбачев, когда ликвидировал СЭВ, нас открывал Е. Т. Гайдар. Оказалось, однако, что мы совершенно слабы для того, чтобы войти в этот открытый мир. Но тем не менее у нас появился стимул в него войти.

Экономические изменения глобального масштаба характеризуются доминированием финансового рынка над товарным. Деньги стали делать деньги на законных основаниях, предоставляемых финансово-правовыми установлениями. Но еще более важное значение, чем деньги, имеют технологии, которые, будучи сращенными с информацией, могут обеспечить производство новых товаров и услуг с меньшей, чем прежде, стоимостью и создать новые уникальные продукты мирового рынка. *Уникальность и дешевизна — два важнейших фактора вхождения в глобальную экономику*: «Рыночная сила производителя, а следовательно, и конкурентная эффективность используемых им технологий возрастает по мере движения от однородных «бирже-

¹ Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление // Свободная мысль XXI. 2000. №11. С. 28.

вых» через сложные товары к уникальным товарам, к которым относится не только уникальное производственное оборудование, но и сложные потребительские товары, поддерживаемые технологиями воздействия на массовое сознание»¹. Это последнее — *технологии воздействия на массовое сознание*, т. е. информационные технологии, реклама, PR виртуально обеспечивают победу товару, конкурентные свойства, которых не выше, чем у других его нередко равноценных соперников. К объективным качествам товара присоединяются символы его признания, некоторые авторы описывают их как «французский хлеб, итальянская мода, испанское вино» и пр. И тот, кто не только произвел нечто уникальное или особенное или это особенное в наиболее дешевом варианте, но и получил престижно-смысловое признание, становится победителем глобального рынка.

Поскольку экономический прогресс определяется инновациями, богатеют богатые страны. Те страны, в которых доход на душу населения 20 тыс. долларов в год и выше, являются участниками глобальной экономики, и не столько из-за денег, а потому, что подобный уровень жизни сопряжен с высоким технологическим развитием.

Глобализация сузила национальные возможности влиять на экономику. Этот вызов поставил под вопрос возможности построения социального государства в развивающихся странах. Поэтому проблема вхождения в глобальный мир — это новый вариант вопроса о прогрессе, хотя у него есть качественное отличие, которое будет показано на примере России. Глобализация создает клуб стран-чемпионов. Это — клуб избранных стран. Кто из западных стран вошел в мир глобальной экономики? Приведем данные, которые имеются в литературе: десять стран — Бразилия, Индия, ЮАР, Турция, Польша, Южная Корея, Китай, Аргентина, Мексика, Индонезия (до 1998 г.). России тут нет. Тут нет, скажем, и Саудовской Аравии с ее нефтью, потому что здесь предъявляются

несырьевые требования. Считается, что сырье, вооружение, товары первичной промышленной переработки не могут характеризовать страну как участницу глобальной экономики, что подобное участие формируется высокотехнологичными и информационно емкими продуктами или продуктами, занимающими преобладающий объем на рынке или монополично представленными на нем. Объем российской международной торговли невелик, и в ней преобладает сырье. Если Россия перестанет добывать нефть, в мировой экономике немного изменится. Больше нефти произведут страны ОПЕК или Венесуэла. Япония не может войти в глобальный мир, так как она не может предоставить гражданство никому, кроме японцев. Ее культура слишком локальна. Ее национальный продукт не растет с 1990-х годов. Но вместе с тем Япония входит в глобальную экономику. Россия, покончив с коммунизмом, вошла в глобальный мир, но не вошла в глобальную экономику. Как десять западных стран сумели войти в глобальную экономику? Они смогли это сделать, так как стали производить тот или иной продукт, который оказался или самым лучшим, или самым дешевым из этого класса товаров для мирового рынка, а также был информационно представлен в качестве такового. Политическая критика Китая не помешала американцам открыть для него свой рынок: обувь, одежда, куртки на рынке США успешно конкурируют с американскими товарами и занимают там большой объем. Туристы удивляются, что купленная американская вещь при более пристальном рассмотрении оказывается китайской. Китайцы активно пользуются Интернетом и причисляются к одним из самых многочисленных его пользователей (хотя отмечается, что среди потребляемой информации большое место занимают порнофильмы, с которых делаются для продажи пиратские копии). Сто тысяч китайцев обучаются в США. Сегодня в Америке трудно найти американца-яппи — человека, героя 1960-х, пребывающего в безу-

¹ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. С. 98–99.

держной трудовой и карьерной гонке, но китайцы-яппи встречаются очень часто. Программисты Индии, текстильщики Турции сумели добиться признания на глобальном рынке. Дешевая рабочая сила Польши, включенная, например, в немецкие компании, производящие «Фольксваген» в Познани, выиграла на том, что в Польше цена рабочей силы в 5–6 раз ниже, чем в Германии.

Если упомянутые выше незападные страны «прорвались» в глобальную экономику на уровне отдельных достижений, то постиндустриальные общества заняли в ней преобладающее место. Хотя такие понятия, как постиндустриальное или информационное общество сегодня вытесняются термином «глобализация», это происходит как раз потому, что глобализация имеет дело именно с ними. Еще в 1982 г. Дж. Несбит определил десять новых мегатрендов, т. е. глобальных тенденций: переход от индустриального общества к информационному, от развитой техники к высоким технологиям, от национальной экономики к мировой, от краткосрочных задач к долговременным, от централизации к децентрализации, от институциональной помощи к самопомощи, от представительной демократии к непосредственной, от иерархии к сетям, от Севера к Югу, от альтернативного выбора «или/или» к многообразию выбора. Это описание предугадало глобализацию, а вместе с этим присущие ей деинституционализацию, возможность анархии (самопомощь — ведущий принцип анархии по П. Н. Кропоткину), переход к сетевым структурам¹. Последнюю тему развил М. Кастельс, раскрывший значимость не только информационно-экономической, но информационно-технологической революции и сетевого принципа².

А как живут те, кто не вошел в глобальную экономико-информационную, финансово-

правовую и информационно-технологическую систему? Именно три этих составляющих глобализации и их совместное действие обеспечили ее лавинообразное развертывание. Посмотрим, что несет глобализация периферии мира, близко к которой находится и Россия. Как показано в докладе ООН за 1999 год «Глобализация с человеческим лицом», контраст между развитыми и развивающимися странами усиливается, рост «четвертого мира» становится чрезвычайным, разрыв доходов между пятью богатышими и пятью беднейшими странами был 30:1 в 1960 г., 60:1 — в 1990, 74:1 — в 1997 г. 19% мирового населения имеют 71% глобальной торговли товаров и услуг. Из 82% мирового экспорта доля пяти беднейших стран составляет 1%. Из 74% мировых телефонных сетей эти страны имеют долю в 1,5% и т. д.³

Почему такой разрыв приписывается следствиям глобализации, хотя из того же доклада видно, что нарастание разрыва происходило и до начала 1990-х годов, с которых начинается отсчет глобализации в указанном выше смысле? Во-первых, цифры свидетельствуют об ускорении разрыва богатых и бедных стран с началом глобализации. Во-вторых, у информационно, экономически и технологически развитых стран в ходе глобализации возникают необычайные преимущества исходя из ее сущности, которую мы изложили выше. Глобализация часто сравнивается со спортом. Войти в глобальный мир это похоже на то, как войти в спортивный зал и попытаться стать чемпионом. Те, кто не может этого, кто слаб, кому противопоказан спорт, должны просто сойти с дороги, чтобы не быть сшибленными бегущими спортсменами.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Нельзя согласиться с теми, кто считает, что глобализация — это продолжение

¹ Naisbitt J. Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives. N.Y., 1982.

² Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. и ред. О. И. Шкаратана. М., 2000; Castells M. The Rise of the Network Society. L., 1996.

³ Globalization with a Human Face. UNDP Report 1999 // Held D., McGrew A. The Global Transformations Reader. An Introduction to Globalization Debate. Cambridge, UK. 2000. P. 341–347.

модернизации. Дело обстоит как раз наоборот. Глобальная экономика — это клуб уже модернизированных. Прежде господствовала идея прогресса (эвфемизм развития по западному пути). В одном из своих конкретных воплощений она представляла как модернизация. Становление современного Запада создало, прежде всего, политические и культурные условия, которые закрепляли трудовую мотивацию, формировали автономного индивида с его ответственной свободой и государство, находящееся под контролем гражданского общества. Согласно наиболее распространенной в течение долгого времени концепции, незападные страны следуют догоняющей (Запад) модели, стремятся воспроизвести институциональные системы Запада. Теперь оказалось, что не все могут осуществить этот процесс, и Россия в 1990-е годы не смогла завершить то, что начал Петр I. Увеличивается число стран четвертого мира. Осознав это, клуб избранных как бы решил зафиксировать статус-кво на приемлемых для себя условиях, оставив идею подталкивать к развитию менее удачливых, ощутив нехватку сил для подтягивания каждого общества к глобальному развитию в этом огромном мире. Этот клуб избранных уверен, что глобализация пойдет на его основаниях.

Сущность процесса догоняющей модернизации везде одна и та же независимо от политического и социального строя: это организация масс для индустриализации. По словам Б. П. Вышеславцева, «такова мировая тенденция индустриальной цивилизации. Она одинаково проявляется в Европе, в Америке, в Азии, в демократиях и тоталитарных государствах, везде, где существуют массы, включенные в индустриальный аппарат»¹. В какой форме осуществляется этот процесс — в форме политической демократии, свободы или в форме тоталитарной, — зависит от уровня развития страны, начального старта, степени осознания массами стоящих перед ними экономических задач, их

готовности к усилиям в условиях гедонистической альтернативы в развитых странах или в условиях отсутствия таковой в бедных.

Многим кажется ныне, что самое активное применение модели догоняющей модернизации происходило в период деколонизации 1960–1970-х годов. В действительности же эта модель — наиболее распространенная, а в России, Восточной Европе, Мексике и Турции даже единственная. Не только между 1940 и 1965 г., как описывается в литературе, но также и теперь эта модель активно внедряется этими странами и регионами. Но догоняющая модель имеет пределы. Обозначим их.

† Частым результатом догоняющей модернизации является потеря традиционной культуры без обретения новой, современной. Такие неудачи модернизационной стратегии, особенно в 1960–1970-е годы в ходе активных усилий преобразовать страны, освобождающиеся от колониальной зависимости, вообще вывели термин «модернизация» из употребления, скомпрометировали его. Вместо него стали употреблять понятие «развитие». Однако в 1990-е годы явно декларируемые цели не просто развития, а модернизации России и Восточной Европы после крушения коммунизма, успешная модернизационная направленность турецкого опыта вновь вернули этот термин на страницы научной литературы, не устранив отмеченной опасности, особенно для посткоммунистических стран.

† Догоняющая модель модернизации создает острова, анклавов современной жизни в отсталых странах. Это Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро в Бразилии, большие города Мексики, Бомбей и несколько островов «зеленой» революции в Индии, Стамбул и ряд больших городов Турции, Москва и Санкт-Петербург в России, отличающиеся и образом жизни, и состоянием сознания от российской провинции. Эти анклавов, несомненно, облегчают задачи модернизации, но

¹ Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры // Марксизм. Неоосоциализм. Неолиберализм. Нью-Йорк, 1982. С. 15.

вместе с тем усиливают социальную несправедливость, делают неустойчивым социальный баланс. Модернизация догоняющего типа создает явное неравенство, обещая при этом равный шанс (чего не делало традиционное общество), и поскольку это шанс — далеко не для многих, производит социальное недовольство, ситуацию неустойчивости, в течение долгого времени способствующую возможности России повернуть к коммунизму, Турции — к фундаментализму, в Мексике и повсюду в подобных странах — к традиционализму, восстаниям крестьян, сопротивлению националистов. Вместе с тем анклавная догоняющая модернизация, ломая традицию, ставит общество перед отсутствием духовной перспективы. Мелкий бизнес становится обязательной нормой жизни общества, вовлекая огромные людские массы. Общество развивается, не имея духовной перспективы. Опасность коммунизма, подъем ислама во многом есть реакция на эту ситуацию, ситуацию отсутствия больших идей, национальных очертаний современной культуры.

† Догоняющая стратегия предполагает, что Северная Америка и Западная Европа остаются неизменными, так сказать, дожидаясь отставших соседей. Однако сейчас мир радикально трансформируется. Многие развитые капиталистические страны ныне находятся в переходном процессе.

† Глобализация как новый тип социальной трансформации в плане институционализации, так и в ценностном отношении, не позволяет модернизирующимся странам, в частности России, только перенимать и имитировать существующие структуры западного общества, которые сами начинают подвергаться изменению.

Развитие общества сопряжено с большими трудностями и жертвами. Поэтому данный процесс требует, как уже отмечалось, обоснования, легитимации. В XVII–XIX веках источником легитимации модернизации были протестантская этика и научная рациональность. В классический период реальность представлялась подчиненной универсальным ценностям и нормам, со-

ставляющим основу европейской цивилизации. В настоящее время универсальные формы легитимации модернизации отсутствуют. Рационально-научная легитимация развития состояла в том, чтобы воспринять некоторые образцы развития в качестве норм, моделей развития. «Догнать» можно было только в том случае, если модель развития, его образец были известны. Опыт Японии и Юго-Восточной Азии в целом и провозглашенный в 1990-е годы российский неомодернизм опровергают этот источник легитимации, признанный основным в модернизационных теориях. В Юго-Восточной Азии нет модели, развитие осуществляется всеми возможными способами, не разрушающими идентичность.

Что мы делали все последнее десятилетие? Мы догоняли Запад, хотя бы на словах. Все задавали вопрос: какую стадию Запада мы догоняем? Одни говорили: у нас стадия первоначального капиталистического накопления, и идет она прямо так, как ее описывал французский историк Ф. Бродель, а значит, мы на правильном пути к капитализму. Другие утверждали: у нас начался процесс образования наций, мы идем той же (а значит, верной) дорогой, по какой шел Запад XIX века. Однако попытка имитировать, тем более предшествующие фазы развития Запада, не способна ввести страну в глобальную экономику. Если мы будем производить компьютеры, которые уже есть, только немного лучше или немножко похуже, мало что изменится. Мы оказываемся изолированными и замкнутыми, как если бы нас замкнули авторитарным режимом. Другое дело, если мы выступаем с чем-то, чего нет на мировом рынке, например с компьютером на живой молекуле. Не будучи профессионально уверенными в правильности конкретных предложений прорыва в глобальную экономику, мы позволили себе лишь пофантазировать для раскрытия иной, чем догоняющая модель, модернизации, логики вхождения в нее. наших ученых, особенно биофизиков, охотно приглашают в Америку. Они занимаются там, например, производством генетически

измененных растений: лечат орехи от плесени, которая смертельна для человека, участвовали в выведении «золотого риса» — генетически измененного риса, способного расти в несвойственном ему климате и не подверженного болезням. Очевидно, можно сделать и какую-то морозостойкую пшеницу. Европейцы спорят, они говорят, что это вредно, что такая практика чревата непредвиденными экологическими последствиями. Но Россия могла хотя бы исследовать эти последствия при наших научных возможностях, когда ученые работают за копейки, но работают хорошо. Может быть, мы могли бы стать лидером производства генетически измененного продукта, может быть, наоборот, страной, гарантирующей, что у нас такого продукта нет и не будет. Конечно, мы немного опоздали. В России наука потерпела поражение. Достаточно привести пример, что начальник отдела особо опасных инфекций в биологическом центре в г. Пущине был вынужден переквалифицироваться в страхового агента, как будто у нас нет особо опасных инфекций. По мнению Президента Российской академии наук академика РАН Ю. Осипова, Германия явилась образцом того, что разрушение науки имеет долговременные следствия: после фашизма она поднялась во всем, кроме науки, потому что это требует слишком большой преемственности. Слабо верится, что даже в наукоемких областях мы сегодня можем чего-то добиться быстро. Глобализация оказалась противоположной модернизации, ибо догонять и имитировать — значит обречь себя на прогрессирующее отставание. Быть похожим на других сегодня не годится. Сегодня надо быть лучшим или уникальным.

Поэтому в настоящее время чрезвычайно обострена критика модернизации, и в особенности догоняющей модернизации, уже давно обнаружившей свою ограниченность.

*РАСПАД КОММУНИЗМА,
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ*
Одним из факторов глобализации, наряду с уже отмеченными, стал распад коммунизма. Он явился важным шагом глобализации, ликвидировавшим закрытые для капитала и информации зоны. Станным образом на значимость посткоммунизма в этом процессе мало кто указывает¹.

Демонизация коммунизма неолиберальной мыслью сослужила плохую службу российским реформам и практически, и теоретически. Практически это сказалось в том, что полученные вследствие «избирательных технологий», а попросту манипуляции общественным мнением представления о том, что в российском обществе имеется биполярная ситуация противостояния коммунистов (антиреформаторов) и демократов (реформаторов), были распространены на общество и после выборов. Вследствие этого неолибералы выбили оружие критики у всех, кто знал, что никаких реформ нет, а есть передел собственности в пользу олигархов и подавление демократического движения масс. Теперь это самоочевидно для всех, а не только для граждан России, давно осознавших это. Так, Б. Глинский и П. Рэддавей сформулировали основное социальное противоречие России 1990-х годов как противостояние демократии и олигархии, а не как противостояние демократии и коммунизма². Никто сегодня не может ответить на вопрос, каким образом так называемой реформе помешали «антиреформаторы».

Лучшее описание сущности коммунизма дал австрийский писатель Артур Кестлер в романе «Слепящая тьма». Его герой Рубашев пришел к выводу, что диктатура — это попытка поднять массы, не сознающие своих экономических интересов, вверх силой, как в системе шлюзов. Таким образом, было дано рациональное объяснение коммунизму, который клеймили как заговор, преступ-

¹ Федотова В. Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. №4.

² Gliniski D., Reddaway P. The Ravages of «Market Bolshevism» // Journal of Democracy. 1999, April. Vol. 10. №2.

ление, как насильственную модернизацию. Как показал немец Фон Лауэ в своей знаменитой работе «Мировая революция — вестернизация. Двадцатый век в глобальной перспективе»¹, становление Запада было главной мировой революцией, и всевозможные «измы» — коммунизм, фашизм, маоизм и др. — это реакция на эту революцию, попытка отстающих стран, идя своим путем, преодолеть отсталость.

Особый интерес представляет восприятие коммунизма не только как оппонента капиталистической системы, но и как ее двойника в незападном мире. Этой теме посвящено исследование Б. П. Вышеславцева о кризисе индустриальной культуры. Между капитализмом и социализмом существует политическое различие, но их суть — индустриализм и создание индустриальной культуры, обеспечивающей условия для повышения уровня жизни людей и их благосостояния². Перемены были произведены посредством передовой науки и высокой техники, которые и создали все производственные и социальные технологии индустриальной эпохи. Вступление в индустриализм не было эволюционным и плавным, а происходило революционным путем. Индустриальная революция началась с изобретения паровой машины Уаттом в 1769 г., затем ее вехами было использование угля, а вслед за этим и электричества в промышленности, изобретение двигателя внутреннего сгорания, производство автомобилей и развитие авиации. Эта эпоха характеризовалась формированием масс как особой неструктурированной и неоднородной общности. Производство масс было составной частью индустриального производства. Индустриальная система порождает и бюрократию, которая вполне «конкурентоспособна» с государством в подавлении свободы. Триумфом индустриальной эпохи было вступление Запада в гедонистскую фазу, превращение его в общество потребления.

Индустриальное общество серьезно подорвало либеральную доктрину, ибо масса вступила в историю вместо автономного индивида. Это создало в промышленно развитых капиталистических странах угрозу бюрократизации и технократии, а в модернизирующихся обществах — опасность авторитарных и тоталитарных режимов. Все эти формы насилия следовали из задач индустриализации.

Взаимодополняемость капитализма и коммунизма, рассмотрение коммунизма как индустриализма, который исчерпал себя вместе с всемирным кризисом индустриальной системы, начавшимся в конце 1960-х годов как под влиянием научно-технической революции, так и в связи с социальными движениями этого периода — студенческими волнениями на Западе, Пражской весной — это принятая научная точка зрения политически неангажированной части ученых Запада. Все более и более способности коммунизма к модернизации могли быть охарактеризованы как попытка догнать предшествующий век. Ряд исследователей пришли к интересным выводам относительно взаимодополняемости капитализма и социализма в мировой системе. В некоторой степени эти выводы явились результатом подъема СССР и образования биполярного мира. Но и сам этот подъем — свидетельство успешной модернизации, в которой скомбинирован метод догоняющей модернизации и модернизации на собственной основе. Несовпадение модернизационных и социалистических теорий и даже их определенное противостояние не может заслонить трех фундаментальных результатов социалистического развития: 1) осуществление индустриализации и достижение других черт современности — массового образования, развития науки, увеличения доли городского населения и пр.; 2) сохранение собственной основы (и не только историческая изолированность от Запада, но и собственные основы

¹ Von Laue Th. H. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. N. Y., Oxford. 1987.

² Вышеславцев Б. П. Указ. соч. С. 11.

развития) — коллективизм, антирыночный подход, коммунистическая идеология, которую Н. Бердяев называл секуляризованным православием; 3) идеал всесторонне развитого, гармонического человека, несомненно утопический, но все же инициировавший развитие образования, науки, культуры. Не решив задачи развития трудовых мотиваций в нетворческих профессиях, с точки зрения практической коммунизм явился системой ценностной мобилизации людей к внутреннему развитию, чтению, обучению.

Социализм как мировая система, втянувшая на этот путь развития многие народы, вместе с тем являлся локальной системой. Но именно так «устроен» и капитализм. Как показал А. И. Фурсов, капитализм так же сочетает функции мировой системы с исторически конкретной локальностью своего западноевропейского и североатлантического существования и имеет в качестве центрального противоречия между субстанцией и функцией капитала¹. То, что социализм образовывал всемирный центр, отличает его от опыта индустриализма на основе собственной идентичности Юго-Восточной Азии, который является более локальным. Необходимо осознать, что возврат к прежней социалистической системе сегодня не мог бы дать ответ на новый вызов истории — переход Запада в постэкономическую, постиндустриальную, информационную, постсовременную стадию. Столь тяжело достигнутая индустриализация сегодня была бы признаком отсталости, мобилизационная идеология показала бы свою исчерпанность — люди устали, а потенциал инновационного развития было бы трудно развернуть из-за отсутствия средств.

Распад коммунизма был связан с исчерпанием задач индустриализации. Но на его обломках был построен антивеберовский нецивилизованный капитализм, совершенно не

похожий на западный. Как показал М. Вебер, западный капитализм отличается от незападного, где капитал может приобретаться на основе грабежа, войны, обмана и пр., тем, что он имеет трудовую основу и этику предпринимательства. Отделение западного капитализма, основанного на труде и морали, от незападного составляет суть модернизационных идей М. Вебера. Он отмечает: «Повсеместное господство абсолютной беззастенчивости и своекорыстия в деле добычания денег было специфической чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются «отсталыми» по западноевропейским масштабам»². Капиталистическая модернизация создает отложенный спрос, производство не только ради насущных потребностей, но и ради самого производства. Экономический мотив при капитализме становится самоцелью, приходя в противоречие с традиционным стилем мышления. М. Вебер пишет: «...человек «по своей природе» не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повысить «производительность» труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду, за которым скрывалось необычайно упорное сопротивление, на это сопротивление капитализм продолжает наталкиваться по сей день, и тем сильнее, чем более отсталыми (с капиталистической точки зрения) являются рабочие, с которыми ему приходится иметь дело»³.

По мнению А. Фурсова, мировая система капитализма оказалась более устойчивой в сравнении с социалистической, так как она не требует с обязательностью адекватной субстанции для реализации функций ка-

¹ См.: Фурсов А. И. Колокола истории. М., 1996.

² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 78.

³ Вебер М. Указ. соч. С. 81.

питала¹. Иными словами, западный капитализм сформировал свое твердое ядро и обрел готовность приспособить и структуры, в которых нет основ капитализма, приспособить любые общества для подключения к капиталистической экономике. Именно поэтому, на наш взгляд, *догоняющая модель развития нигде не производит капитализма западного образца, который с научной точки зрения представляет собой нормативную утопию. Капитализм как мировая система озабочен всемирным функционированием капитала, а не осуществлением задач догоняющей модернизации.* Поэтому, когда в посткоммунистический период многие в России удивлялись, что при номинальном провозглашении этой модели идут противоположно направленные процессы, что Запад присоединяется к упрощению нашей реальности до противостояния коммунистов и демократов, мы не понимали, что Запад интересуется только функцией капитала, но во все не тем, чтобы выращивать в России его субстанцию. Остатки Филадельфийской системы — прозелитического экспорта демократии — работали только на словах. Охватив целый посткоммунистический регион, капитализм в нем тем не менее оказался основан целиком на локальных традициях и создал множество «диких», «криминальных» и квазикапиталистических форм «субстанции». Поэтому удовлетворенные функцией капитала, т. е. нажившиеся в сегодняшней России, не могут понять тех, кто испытывает несогласие с разложившейся тканью российской социальной «субстанции». Никто не озаботился на Западе всерьез перспективами российской демократии, а всячески критикуемый недемократический Китай оказался в самом выгодном экономическом положении из-за стабильности, создающей гарантии функциям капитала. В этом — не «заговор» Запада, а условия его собственного существования, которые в дальней перспективе могут стать опасными для него самого. *В условиях глобализации ослабла цивилизу-*

ющая миссия капитала, его ответственность за создание цивилизованной социальной субстанции капиталистических обществ всего мира. Но Россия могла построить у себя демократическое общество, если бы смотрела на это как на собственную задачу, требующую адекватного решения. Положившись словесно на западную (неолиберальную) модель, мы построили автохтонный (местный) капитализм, в котором демодернизация прежних этапов развития реанимировала наиболее архаичные пласты сознания из-за неадекватности избранной модели культуре народа и усилий немедленной рекультивации. Мы могли ставить и другие задачи, например рыночный социализм, как Китай, либо что-то, приближающее нас к Юго-Восточной Азии. У нас был для этого потенциал освоения высоких технологий, но отсутствовала вторая предпосылка, повлиявшая на этот опыт, — открытые западные рынки. При этих условиях ничто не препятствует и националистическому проекту, и просто разложению и исчезновению с лица Земли. Возникновение «дикого» капитализма в России 90-х приводит к мысли, что при коммунизме Россия в большей степени следовала догоняющей модели модернизации, чем в посткоммунистический период, но сегодня такая перспектива исчерпана. Оглядываясь на коммунизм, заметим, что нельзя оторвать собственную основу «реального социализма» от усилий войти с его помощью в развитый мир, нельзя отождествлять ее с местной идентичностью, не распознав в ней инструмент модернизации и вхождения в мировую систему.

Противоречия между функционированием капитала и порожденной им социальной субстанцией при разных формах развития различны. Там, где капитал функционирует, не затрагивая социальных субстанций, происходила колонизация. При *вестернизации* функция капитала сохранялась, и происходило вмешательство в поверхностную сферу культуры или операциональный опыт,

¹ Фурсов А. И. Указ. соч. С. 27.

остальные сферы практически остаются неизменными. *Догоняющая модернизация* стремилась обеспечить капиталу адекватность во всех субстанциях, т. е. достичь институционального сходства с западными капиталистическими обществами, вырваться из неападного капитализма, изменить культуру. *Развитие на основе собственной идентичности*, наблюдаемое в Юго-Восточной Азии, сохраняет культуру, вносит изменения в другие сферы для обеспечения активности капитала, но сохраняет неадекватную (немодернизованную) социальную субстанцию. И, наконец, *глобализация капитала делает его безразличным ко всем социальным субстанциям незападных обществ, останавливает Запад в попытках определения их судьбы и предоставляет это им самим. В результате макроэкономические процессы глобализации порождают восприятие задач развития как локальны*. Функции капитала в России неизбежны, как и во всем мире. Но что произойдет с ее субстанциями и с ней самой, это — наш выбор, сегодня очень ограниченный.

В этом основной кризис догоняющей модели и появление среди прочих той модели модернизации в условиях глобализации, которую бы мы назвали прорывной, разрывающей вековые цепи отсталости в отдельных звеньях. Нельзя сказать, что прорвавшие преграды страны станут частью постиндустриального мира, но они могут войти на условиях конкурентоспособности хотя бы по одному необычному инновационному продукту в мировую экономику. Этот шанс стать чемпионом по одному виду спорта есть у многих. Во многих книгах по глобализации приводятся аналогии с всемирно известным чемпионом и теми тысячами спортсменов, которые сделали все для победы, но чемпионами не стали. Разумеется, мы далеки сегодня от победы на всемирных экономических «олимпиадах» и мы не сумеем их совершить без нахождения путей социальной

идентичности и появления у нас государства развития. Общей теоретической констатацией сегодняшнего дня является указание на то, что коммунизм погиб из-за неспособности ответить на вызов постиндустриальной эпохи по причине политической и информационной закрытости, контроля государства за информацией и отсутствия рынка. Однако снятие этих препон в посткоммунистический период не позволяет России ответить на вызов постиндустриального мира из-за экономической слабости и нанесенного ею удара по науке.

Если вызов индустриальной эпохи имел ответом собственную индустриализацию в полном соответствии с догоняющей моделью, то вызов постиндустриальной эпохи трактуется по-разному: в более оптимистических вариантах как способность «догнать» постиндустриальные страны посредством поддержки инноваций, в менее оптимистическом — как переход к позднему индустриализму, т. е. как использование догоняющей модели, направленной на достижение предшествующей фазы западного развития. Догоняющая модель, выброшенная в дверь, возвращается в окно, чтобы не сказать, что сегодня перспективы для стран, не успевших стать постиндустриальными, нет.

Идея прорыва в глобальную экономику сочетается с задачами собственного развития в условиях, когда нет общепризнанной модели. В отношении вхождения России глобальную экономику есть разные точки зрения: от сверхоптимистических шапкозакидательских идей (статья А. Игнатова в «Независимой газете»¹ — человека, который подписался официальным титулом главы Информационного центра Управления делами президента. Он утверждает, что мы будем лидерами глобализации, что для этого надо принять некоторые внутренние меры, которые скорее выглядят как авторитарные: ограничение числа религий, создание Министерства пропаганды и идеологии и т. д.) до

¹ Игнатов А. Стратегия «глобализационного лидерства» для России // Независимая газета. 2000. 7 сентября.

абсолютно пессимистических («...Для глобальной экономики наши капиталисты послужили «коровой». Так называли урки какого-нибудь молодого парня, которого уговаривали бежать с собой из лагеря. Выбирали помясистой, потому что нужен был не партнер, а запас продовольствия. По пути съедали»¹), до пожелания не спешить с вхождением; утверждения, что глобализация не может пойти таким путем, как сегодня, а произойдет ценностная конвергенция, принятие ценностей, приемлемых для человечества, что изменит ход глобализации, сделает его приемлемым для России (В. С. Степин). Все эти соображения важны на перспективу.

Распад коммунизма уже привел нас в глобальный мир, на его глубокую периферию. Но в мировую экономику мы не попали. И сегодня с этим надо спешить, *используя как намеченную здесь стратегию прорыва, так и решая задачи собственного адекватного развития и назревшие проблемы. На каком пути? Универсального ответа сегодня нет.*

Появляются, помимо названных, все новые модели локального развития, среди которых латиноамериканский депендентизм (модель зависимого развития) — род добровольного согласия на неокOLONIALИЗМ, государство развития как самостоятельная модель, поиски особенных путей, отказ от развития (при обсуждении проблемы развития в студенческой группе один студент из Африки постоянно улыбался. На вопрос, чему он улыбается, студент ответил: «А мы решили не развиваться»)².

В «Меморандуме о глобализации Социал-демократической партии Германии 97-го года» предлагались следующие локальные ответы на существование глобализации: «глобальное демократическое формирование политики; интернационализация социальной политики; интернационализация социальной политики; интернационализация социальной политики; регулирование международных финансовых рынков; повышение националь-

ной конкурентоспособности; гарантии сохранения сфер жизни, не зависящих от мирового рынка; просвещение и побуждение к действиям».

Остановимся только на двух пунктах: регулирование международных финансовых рынков и повышение национальной конкурентоспособности. Регулирование мы всегда представляем себе как создание некоего регулирующего органа. В этом документе предложена совершенно другая форма регулирования — так называемый налог Тобина, который требует облагать всякий экспорт капитала из страны некоторым налогом. Тем самым предполагается, что преодолевается спекулятивный характер рынка, глобальный рынок капитала должен постепенно вытесняться глобальным рынком товаров, чего сейчас нет.

И второе, что при этом выясняется: хотя глобализация — это торжество капитала над национальными интересами, все-таки лишить национальное правительство всякой роли в глобализационном процессе и в национальной экономике невозможно. Ставится вопрос о конкурентной способности национальной экономики. Как видим, даже развитые экономики мира предполагают некоторые особенные меры в локальной сфере для смягчения глобальной гонки. «Куриная война» и другие подобные явления подтвердили то, что в случае с Россией и без того абсолютно ясно: если даже Германия нуждается в торговом протекционизме, то Россия тем более, хотя значимость такой помощи с разветвляванием процесса глобализации будет терять свою эффективность.

Среди ответов незападного мира на процесс глобализации может быть понимание того, что без идеи прогресса и развития и в условиях глобализации они обойтись не могут. Существуют юридические документы, в которых утверждается право на развитие. Они были подготовлены Ф. Д. Рузвельтом и потом введены в международную юридиче-

¹ Паршев А. П. Почему Россия не Америка: Великое противостояние. М., 2000. (Обложка.)

² Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 93.

скую практику Элеонорой Рузвельт. Предпринимаемые попытки рассуждать не в терминах прогресса, а в терминах статус-кво рассматриваются в теории. Говорят: прогресс принудителен, линейен, всех тащит наверх, а мы будем смотреть на мир как на некий ковер, где вытканы всем человечеством самые разнообразные узоры. Однако если мы посмотрим на этот ковер, то эти узоры

по своему размеру и красоте совершенно разные. И проблема не снимается, не становится менее напряженной от утверждений, что все мы живем в одном мире, поскольку одни будут жить, как страны-чемпионы, а другие будут жить, как живут, коль скоро они не могут жить лучше.

(Продолжение следует)